

Владимир Гоголь

Жизнь прекрасна!

простая, незамысловатая
история про...

Владимир Гоголь

**Жизнь прекрасна! Простая,
незамысловатая история про...**

«Издательские решения»

Гоголь В. П.

Жизнь прекрасна! Простая, незамысловатая история про... /
В. П. Гоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834431-2

Первое название повести было «Семен умирал», но позже автор дописал продолжение и изменил название. В одном из альманахов повесть озаглавлена «Красное платье».

ISBN 978-5-44-834431-2

© Гоголь В. П.
© Издательские решения

Жизнь прекрасна!
Простая, незамысловатая история про...
Владимир Павлович Гоголь

© Владимир Павлович Гоголь, 2016

Редактор Ольга Васильевна Пашкова

ISBN 978-5-4483-4431-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Павлович Гоголь
04.06.1951—26.01.2014

Голова была тяжёлой, раскалывалась от боли. Семён болел долго, тяжело, безнадежно. Шансов на жизнь практически не было. Он знал об этом, внешне был спокоен, но всё сознание его, всё естество, когда-то здорового крепкого мужчины протестовало, сопротивлялось. Живой ещё организм тянулся к жизни, цеплялся за неё остатками сил. Но, этих сил уже давно не хватало. Даже медикаментозная поддержка уже была неэффективна.

Семён болел давно. Эту болезнь человечество лечить, ещё не научилось. Делались какие-то потуги в виде химиотерапии, радиационного облучения. Делались локальные операции. Были люди, которые жили долго после операции но, основная масса больных, погибала, не смотря на усилия врачей. У врачей была в ходу такая чёрная шутка, что все люди должны умереть от рака, от различных раковых заболеваний, но не все люди до этого доживают. Это не цинизм, как могло бы показаться на первый взгляд, это от бессилия, от безысходности....

Никто не мог с уверенностью сказать, что происходит. Раковые клетки есть в организме любого человека. Почему у одного они не превращаются в очаг заболевания, не поражают опухолью, метастазами важнейшие органы человеческого организма, а у кого-то это происходит? Теории экологического плана не всегда находят точного подтверждения, распространённое мнение, что курильщики, пьяницы чаще болеют онкологическими заболеваниями, тоже шатко. Маленькие дети, только появившиеся на свет, уже поражены этой заразой. Детская смертность от лейкемии, опухолей головного мозга очень высока! Это мировая проблема. Эти детские организмы не знали вкуса табака и алкоголя. Заболевания среди женского населения планеты тоже очень высоки. Болезнь косит тех, кто в своей жизни не злоупотреблял алкоголем и табаком. Да и мужчины, заболевшие онкологическими заболеваниями, не все рьяные курильщики и выпивохи.

Короче говоря, однозначного ответа, почему именно этот конкретный человек заболел и погиб от болезни, не было, и нет до сих пор. Это и порождало недоумение, а впоследствии глухую злобу: почему именно мне выпал такой жребий, почему именно ко мне так несправедлива судьба. Вон, сосед, пьёт, гуляет, табаком за версту воняет и ничего его не берёт. Морда красная, по циркулю, хоть поросят об лоб бей, здоров, как молодой бычок. А тут, курить не куришь, выпиваешь по праздникам в кругу семьи чинно благородно, в жизни случая не было, чтобы пьян был, и вот тебе, пожалуйста, лежишь, тихо умираешь от этой заразы. Таких высот человечество достигло в науке, технике, в той же медицине, а с этим справиться не может никто. Конечно, обидно! Мужик в расцвете сил, полтинника ещё не разменял, а уже всё, скоро вторую дату на памятник поставят.... И, самое-то обидное, что понимает человек, верит, что вот-вот найдут решение, научатся лечить эту страшную болячку, перестанет человечество трясти от ужаса при одном упоминании об этих болезнях. А его уже не будет. Глупо и несправедливо!

С такими мыслями и лежал Семён в палате онкологического диспансера. Мысли эти приходили к нему всякий раз, когда он приходил в себя от сильнейших обезболивающих средств, которые ему заботливо вкалывала медсестра при малейшем его стоне. Приходя в себя, он видел неизменно озабоченное и участливое лицо жены, которая последнее время неотлучно находилась в палате. Жена выглядела уставшей, глаза покрасневшие, заплаканные. Сколько же они вместе прожили? Семён попытался вспомнить и не смог. Много он не мог сейчас. Организм отказывал ему в памяти, в рассудке, в эмоциях. Безразличие владело им.

Иногда боль отпускала без укола, тогда он, как ему казалось, ободряюще посматривал на жену, мол, ничего, выкарабкаюсь! Со стороны это выглядело вымученной гримасой. Жена приникала к нему поближе:

– Что, Сёмушка? Чего-то хочешь сказать?

«Сёмушка», – усмехнулось его, на миг просветлевшее, сознание. Только смолodu так и называла, потом больше – Сеня, Сенечка, это в постели, когда в раж входила. Господи, как давно это было, будто век назад, будто в другой жизни.

В какой другой? Не было у него другой жизни и не будет! Одна она у него и та по капле уходит, кончается. Всё! На корм червям могильным пойдёшь Семён. И опять тоска душевная задавила боль физическую, позволила побыть в сознании. Такую же глухую тоску – выть хочется, испытал он, когда ему диагноз поставили. Пил бы, в запой ушёл, может, легче было бы, да и конец не так мучителен был бы для него, для жены, детишек. Больше года длится всё это.

И лечение, и знахари разные. В церковь даже пошёл как-то, молитву выучил, что-то бормотал перед иконами, крестился истово, как бы желая за всё разом отмолить. А чего отмаливать? Жил по законам мирским, они не противоречат заповедям божьим. Убивать не убивал, воровать не воровал, был не завистлив, не гуляка, чтобы на чужие юбки заглядывать, подлостей никому не делал. Матом и то не любил ругаться, даже чисто в мужской компании. А то, что праздников, постов церковных не соблюдал, так, когда ему было этим заниматься, работал, как вол. Надо было семью кормить, детишек поднимать, растить, учить. На море вывозить хоть иногда. Да и не приучен был по церквям ходить, хоть, и крещён был матерью в тайне от отца, мелкого партийного работника. В детстве его другая вера была, почти все ступени её прошёл: октябрёнком был, пионером был, в комсомол вступил, когда в техникуме учился. Там были свои заповеди: «Религия – опиум для народа!» – и этим всё сказано было. Мощно всё так казалось, незыблемо! Куда вся эта мощь в одночасье подевалась? Видно не так и стабильно всё было. Быстро всё по-иному повернулось. Церкви восстанавливают, попов развелось, верующих. Президент страны, бывший коммунист, (хотя бывшими они не бывают), и тот поклоны бьёт в церкви, а за ним и всё правительство державное. Странно это, за одну свою короткую жизнь так кардинально поменять убеждения, так полярно изменить взгляды на жизнь, честь, веру.

К чему это он про церковь вспомнил? Ах, да! Спасение души! Подготовка к Страшному суду, суду божьему. Выбор невелик! Ад и Рай! Третьего не дано! Как там у них эта небесная канцелярия устроена? Смутно всё. И этого он не успел толком узнать при жизни. Всё недосуг было. Хоть и была в доме библия, невесть откуда и взялась, но так и не открыл её ни разу Семён. Только газеты и просматривал, да и то рубрику спортивную, анекдоты, сплетни про знаменитостей. Когда последнюю книгу прочитал, и вспомнить не мог. Раньше любил читать, даже небольшую библиотеку собрал. Классиков, исторические романы в основном. Потом как-то забросил это дело. Всё больше телевизор время отнимал, то футбол-хоккей, то сериалы с женой на пару смотрели, обсуждали, спорили, горячились. Ещё криминальные передачи, которых раньше не было, а сейчас всё заполонили, изо всех щелей торчат. Как-то, интереса ради, пересчитал в телевизионной программе все передачи, связанные с миром милиции, судов, криминала. Более двух десятков насчитал по всем каналам. А ещё фильмы про всякие подвиги той же милиции, спецслужб всяких. Сначала смотрел с интересом, затем понял, что всё надоело, только чувства как-то притупились, атрофировались. Уже ничему не удивлялся, мало какие сюжеты вызывали сочувствие. Вот, ему кто посочувствует? Да и проку от этого....

Семён задумывался частенько, после того, как получил подтверждение, что рак это не где-то и у кого-то, а у него, и жить ему осталось не так много, о смысле жизни, о его предназначении в этом мире. Получалось как-то неказисто. Ну, родился, рос, учился. А потом? Работа, быт, маленькие семейные радости, такие же маленькие семейные горести. Маленькими горести кажутся тогда, когда они уже позади. Болезни детей, неурядицы на работе. Да у кого этого нет? Всё, как у всех. Ровно, без трагедий, скандалов, встрясок жизненных. Для этого и жизнь дана человеку? Маловато будет! Так это ему стало казаться, когда понял, что больше задумывать наперёд ему уже нечего. Жил ведь как, не сегодня, так завтра, послезавтра. У Бога дней много! Оказалось что не так и много. А сколько всякого в жизни интересного, любопытного есть, чего ему уже недоступно. Знал бы, может, временем дорожил, по-другому жизнь спланировал. Вряд ли, конечно. Всё складывалось само собой, всё по-людски. А многого не успел, не познал....

Видимо кричал, боль подкралась незаметно, резанула, полыхнуло в мозгу, сверкнуло молнией! Вот сестра и укол всадила. Поплыло перед глазами, всё потемнело, боль отпустила. Странно, быстро отпустила, такого раньше не было. Новое лекарство, что ли? Так легко, спокойно стало, даже радостно, отчего то. Давно забытое чувство. Не было повода для радости. А сейчас эйфория какая-то, лёгкость! Видимо, сильный анальгетик, это его действие, – поду-

мал Семён. И вдруг он явственно увидел себя, да, своё тело, лежащее на больничной кровати, вернее не лежащего, а в положении полусидячем. Так ему было удобнее последнее время. Жена с медсестрой заботливо устроили его в такой позе по его просьбе. Тогда он мог ещё о чём-то просить.

Что это с ним? Высохшая мумия, лицо желто-синее, нос заострился, глаза смотрят в одну точку, не моргая. Руки, лежащие поверх синего больничного одеяла, вытянулись вдоль тела. Не руки, а две безжизненные палки.

Рядом жена на табуретке сидит, склонилась над ним, плечи судорожно подрагивают, плачет. Медсестра прибежала в палату, встала в ногах его кровати, тоже плачет. Врач подошла. Успокаивает жену:

– Отмучался он, сейчас ему легче уже.

Кто отмучался? Да это же о нём говорят, это он на больничной койке вытянулся, это ему сейчас жена ладонью глаза закрывает.

Странно, глаза она ему закрыла, а он всё видит. И как плачет она молча, сдерживая рыдания, и как молоденькая медсестра выскочила в слезах из палаты. Видит и то, как врач, милая душевная женщина, столько сил приложившая и участия к каждому больному, и сейчас поглаживает его жену по плечам, успокаивает, слова говорит какие-то. Ей и самой-то не сладко, когда люди умирают, которым она от всей души хотела помочь, но не смогла.

Интересно, но всё он видит, что происходит в их шестиместной палате, ставшей всем им родной за месяцы пребывания здесь. Вот сосед его по койке, толстый упитанный дядька, оторвался от книги, смотрит на всё происходящее. Встать ему нельзя, под капельницей он. Все онкобольные сильно теряют в весе, а этот, наоборот, пухнет, как на дрожжах. Следующий сосед, который у окна, сидит на своей кровати, по мобильному телефону с родственниками разговаривает. К нему никто не приходит, издалека он. Зато звонят часто, разговаривают подолгу. На тумбочке у него вода в стакане кипит, чайку захотел. Не видит, разговором занятый, а водичка то тью-тью, выкипит! В другом ряду у окна лежит молодой парнишка, пятнадцать лет ему, опухоль в голове. Мучают его процедурами различными, от которых он криком кричит потом в течение суток. Спит сейчас под действием обезболивающих средств. Следующая койка пустая, это неугомонный Палыч курить ушёл на лестничную площадку. Отрезали ему лёгкое, химию сделали, может быть и поживёт ещё. Курит много, никотинщик несчастный! На последней, шестой койке, лежал старик, тоже после операции, вырезали у него часть желудка, от химии отказался. Велел жене-старушке забрать его домой, как только швы подживут, затянутся. Дома, говорит, помирать буду. Крепкий старик, со стержнем!

Всё это одним мигом осознал Семён. Это что же получается, тело моё я со стороны вижу, хотя и глаза мои закрыты. Что происходит? Я так спокойно смотрю на свой труп, на ту мёртвую оболочку, которая столько лет мне служила? А кто или что я сейчас? Та пресловутая душа, о которой так много сказано, но которой никто не видел. Которую никто не может познать и понять. А её и не познаешь, пока она в оболочке. Там спрятаться можно. Судить о ней можешь только, по словам, поступкам, жестам, мимике. Самой-то души не видать. Вот они убиваются там внизу по мне, а меня и не видят. А я всё вижу, осмысливаю, рассуждаю. Что это такое? Вот откуда лёгкость, ощущение полёта! Я ведь летаю. Вот, каталку привезли в палату, сейчас в морг повезут. Это на лифте на первый этаж, затем по пандусу в подземный переход и дальше, в соседний корпус. Там морг.

До чего же я исхудал за время болезни! Две бабульки-санитарочки меня, (тело моё бывшее) легко переложили на каталку, накрыли простынёй с головой, только жёлтые ноги торчат из-под короткой простыни, и повезли из палаты. Жена не удержалась, зарыдала в голос. Вот и лифт, подземка и морг. Большой оцинкованный стол. Тело взгромоздили на него. Сняли одежду, трусики старенькие, трусы, футболку. К столу подошёл мужчина в халате салатного цвета с короткими рукавами. Мельком глянул, вышел, кому-то позвонил по телефону. Затем

вернулся, снял с маленького столика, стоящего рядом, белоснежную салфетку. На столике лежал медицинский инструментарий, весь сияющий тусклым металлическим блеском. Что и как делал врач с его телом, Семён не обратил внимания. Что-то его отвлекло. Что-то ему почудилось в тиши мертвецкой. Вошла одна из старушек санитарок, которые привезли его тело сюда. Врач ей что-то сказал, она выслушала, взяла из-под стола большой эмалированный таз и вышла. Врач продолжал колдовать над телом Семёна. Затем сделал несколько уколов в область головы и живота. После этого привязал бирку к ноге с порядковым номером, датой, велел перевести тело в «общую», а сам прошёл в свой кабинет, сделал какие-то записи в журнал, лежащий у него на столе. Тело перевезли всё те же санитарки в «общую», в мертвецкую, положили на оцинкованный стол, которых здесь было с десяток. Накрыли простынёй опять же с головой, опять же наружу торчали жёлтые исхудавшие ноги, теперь уже с биркой. На соседних столах под простынями лежали ещё два чьих-то тела.

И тут Семён обнаружил, что он видит какие-то мерцающие силуэты в темноте мертвецкой. Да! Это были души тех двух тел. Одна душа была мужского пола, другая женского. Как он их различил, самому непонятно. Силуэты лиц, только лиц, без тела. Да и лица в одной плоскости, зыбкие такие, как газообразное облачко, но со своими очертаниями. Они уже освоились тут, даже перекидывались какими-то фразами. Семёна они тоже заметили. По крайней мере, ему так показалось, что они дружелюбно посмотрели на него, как на вновь прибывшего.

– Отмучался? – спросил его мужской голос.

– Да! – Семён услышал как бы эхо своего голоса.

– Вот и славно! – прозвучал хриловатый женский голос. И добавил – знала бы раньше, что так легко и свободно станет после физической смерти, не цеплялась бы так за жизнь. Сколько времени, сил и мучений потрачено впустую!

Семён обратил внимание, что призрачный силуэт души женщины приобретал более чёткие очертания, когда она говорила, хотя разговором это было назвать можно только с большой натяжкой. Губы на её призрачном лице не двигались, лицо её застыло в какой-то гримасе, но гримасе странной, зыбкой, мерцающей. Было видно, что она сама с удивлением прислушивается к своему голосу. Так удивляются люди, впервые услышавшие свой голос со стороны, запись своего голоса на магнитофонную ленту, например. После окончания разговора, силуэт тускнел, меньше мерцал, становился слитным с темнотой. Хотя темнота сейчас не являлась помехой в привычном смысле этого явления. Всё воспринималось через ощущения, через чувства. Не было ощущения запахов, которые наверняка присутствовали в этом мрачном помещении, не было реального зрения, было чувство видения предметов, силуэтов, но это не было привычным зрением, это было именно чувство видения. Так же и со слухом, не было слуха, а просто были какие-то звуки, которые хотел воспринимать, воспринимал, не хотел, они не затрагивали тебя. Всё было нереально и в то же время всё происходило в реальном времени. Семён понимал, что всё это не сон, что всё это произошло и происходит с ним, что он перешагнул какую-то черту и оказался в потустороннем мире, как это принято считать людьми. Он уже поймал себя на том, что его сознание преподносит ему понятие о людях, как о далёком прошлом, которое с каждым мгновением удаляется от него всё дальше и дальше. Он как-то быстро и без сожаления расстался с сознанием жизни, с утратой тела, с тем, чего боится человек всю свою жизнь осознанно и бессознательно. Сколько страхов, сколько правил и законов придумано человечеством за века существования разума на Земле, в основу которых заложено только одно – жизнь! И сколько раз нарушены те законы тоже во имя жизни! Жизнь одного за счёт утраты жизни другого, что считается (вдумайтесь!) смертным грехом, карается смертью! Как мало человек – существо разумное, знает об этом мире! Короток век человека, короток для большего познания этого мира! Слишком долго развивается человек, мало времени остаётся для познания истины, слишком малыми крупинками приращиваются знания человеческие. Хотя, от времён инквизиции до полёта первого человека в космос про-

шло не так много времени, в мировом пространстве это – миг, но, сколько поколений людей постигали эти истины? Но, так и не постигли. А отсюда, со стороны, всё видно по-другому, уже другие ценности.

Всё это мелькнуло в сознании Семёна, так отдалённо, смутно, что его только удивило. Он же ещё не осознавал того, что перед ним вечность, тот бесконечный мир, которого ему не хватало при жизни с её заботами, хлопотами, тревожностями, радостями и печалью. Время для него перестало существовать.

Он обратил внимание, что его тело стали поливать из шланга какие-то старушки. Намывали и смывали из шланга. Обмыли, вытерли насухо, смазали вазелином руки и ноги, оказывается, для того, чтобы легче было одеть в одежду. Тело перенесли на топчан, стоящий в углу мертвецкой. Уложили на клеёнку и начали одевать. Делали это старушки споро, привычно. Вся одежда была новая, начиная от носков, трусов и до чёрного строгого костюма. Размер, правда, того костюма был размера на три-четыре меньше, чем Семён носил при жизни. Да и одевал-то он такой костюм раза три за всю жизнь. Первый раз на свадьбу свою, потом ещё пару раз по торжественным случаям. И всё! Не так много приходилось тех торжеств на его жизненном пути. Потом костюм стал мал, а другого, так и не справили. Дети пошли, другие заботы.

Вот, и туфли новые чёрные обувают, как-то отстранённо констатировал Семён.

В новом наряде лежало чужое, слабо узнаваемое тело. Оно было торжественно серьёзно, синева на лице немного увеличилась, подбородок и щёки покрылись щетиной чёрно-пегого цвета. Одна санитарка шустро соскоблила щетину с его неподвижного лица.

В мертвецкую вошли какие-то мужики, переложили тело на каталку и вывезли в другое помещение. Там на столе стоял гроб, обитый красной материей, с чёрными траурными оборками лент по краям, с белоснежным нутром, с маленькой подушечкой в головах. Туда и положили тело Семёна. Вышел мужчина врач в своём халате салатного цвета, передал жене Семёна, теперь уже вдове, какие-то бумаги, сказал пару дежурных фраз и удалился в свой кабинет. Гроб с телом вынесли на улицу, погрузили в фургон. Семён наблюдал за всеми этими процедурами, передвижениями, отмечая каждую мелочь, но как-то отстранённо, бесчувственно, что ли. Он просто фиксировал в своём сознании события и всё. Для этого, ему не приходилось прикладывать ни каких усилий, просто он следовал за своим сознанием, что воспринимало в данный момент оно, туда он и перемещался. Ему не служили преградой двери, стены, потолки, те условности, которые при жизни доставляли немало хлопот. Он парил вместе со своим сознанием, или скорее ещё подсознанием, так как в полной мере он ещё не ощутил своего нового положения.

Гроб с телом выгрузили у подъезда его дома, занесли в квартиру на второй этаж. Установили на стол, стоящий посреди большой комнаты, служившей им «залом». В комнате было много народа, женщины всхлипывали, утирались платочками, мужчины хмурились. Повисла тишина после всей суеты с установкой гроба с телом. Вдова с детьми-сиротами сидели возле гроба. Дети украдкой поглядывали на то, что осталось от их отца, на это незнакомое лицо, такое безжизненное, отрешённое, с заострившимся носом, с выступившим кадыком на шее, такого непривычного цвета лицо. Вот она смерть, посетившая их дом, вот она, непоправимая утрата, горе чёрное. Вдова, словно в забытье, молча поглаживала его, скрещённые на груди руки. Что ей думалось в эти горестные минуты? Что вспоминалось? Хорошее ли? Плохого при жизни он ей старался не делать, любил, уважал в ней женщину, мать своих детей, ценил, как искусную хозяйку. Говорил ей об этом мало, но она знала это всегда, чувствовала, была в нём уверена. Он был опорой и надеждой, её каменной стеной.

Был! Страшно то как, в прошедшем времени, безвозвратно! Рухнула стеночка в одиночестве. Длилось разрушение больше года, а всё равно как-то неожиданно.

Семён всю картину того, что происходило, мог вбирать в своё сознание целиком, не упуская ни одной мелочи. Ему не надо было перемещаться в пространстве, чтобы заглянуть куда-то, что-то увидеть. Он сам бы не смог определить своего местонахождения в этой комнате, да и вообще, был ли он тут или ещё где-то. Физическое его тело было тут, мертво и холодно, а вот та субстанция, которой руководило сейчас освобождённое сознание, которая душа вроде бы, где она? Он мог представить примерно, как он мог бы выглядеть со стороны, если его новое обличье, (или старое, с которым он прожил столько лет и не знал об этом), похоже на те субстанции, которые он видел в мертвецкой. Кстати, он не отложил в своём сознании, куда они подевались. Наверное, тоже сейчас наблюдают сцену прощания их родных, близких с их оболочками, с мёртвыми, холодными телами.

Семён удивился немного тому, что сочувствия нет у него к тем людям, которые горюют о потере его, что даже любимая жена, сидящая в трауре у гроба с его телом, не вызывает сострадания, даже его дети, горячо любимые, выглядевшие сейчас потерянными, никому не нужными, не будят в его сознании никаких чувств. Только наблюдение со стороны. Это тоже мелькнуло и пропало из глубин сознания. Он сейчас в роли наблюдателя, а чувства, переживания остались там, по ту сторону. Поэтому ему так легко, такая, ничем не обременённая, свобода, парение и эйфория души, освободившейся от бременного тела. Души, освободившейся от груза мирских забот, горестей, печалей, всего того, что человек веками придумал сам для себя, создавая временные трудности, которые преодолеть иным не хватало всего срока жизни. А многие при попытке преодолеть, укорачивали этот жизненный срок, или так ухудшали свою жизнь, утонув в этом океане условностей, что и не рады ей были. Смерть, ограничение свободы, вот самые страшные наказания земные! Не знает человечество, что именно после физической смерти, человек приобретает истинную свободу, неподсуден он становится, суду людскому. Теряя свою оболочку бременную, душа освобождается от забот бременных, таких, как добывание пищи, одежды, прочих благ цивилизации, на что у некоторых уходит вся жизнь, весь её смысл состоит из этого. Они – рабы цивилизации, ценностей, которые таковыми не являются. Всё золото мира не способно повернуть вспять время, не способно вернуть молодость и силы старику, жизнь близкого человека, любовь и нежность. Несомненно, что богатый человек может в том мире позволить себе гораздо больше, чем человек, имеющий ограниченные средства к существованию, или не имеющий таковых вовсе. Ну и что? Каждого ждёт свой жизненный путь, каждому определён свой биоресурс. Определён природой, на генетическом уровне. Случайности, человеческий фактор, насилие, социальные условия, всё это порождение цивилизации, создано человеком. Порой кажется, что во благо всего человечества, а нет, в итоге всё равно во вред.

Сознание Семёна явно было настроено на философский лад. Он давно уже не созерцал картину прощания с его останками. Там шло всё своим чередом, ритуально, размеренно. Внимание его привлекло прощание на кладбище.

Гроб с его телом стоял на двух табуретках у самой могилы. Могила была устелена еловым лапником. Вокруг толпился народ. Говорили какие-то слова, высокопарные речи Представитель месткома, представитель коллектива. Женщины плакали. В сторонке уже накрывался поминальный стол, с водкой, минералкой, бутербродами, пластиковыми стаканчиками.

Прощание закончилось. Крышку возложили на гроб, крепкий молодой парень несколькими ударами молотка забил заранее наживлённые гвозди. Этот стук молотка звонко разнесся по округе. Вдова взывала в голос, рядом хлюпали носами детишки-сироты. Их успокаивали, давали понюхать нашатырь, отвели от края могилы. Под траурную музыку гроб опустили в могилу, народ ритуально сбросил по горсти земли в могилу, далее своё дело завершили молодые работники кладбища. Быстро заполнили могилу землёй, нарастили холмик, установили памятник-временку, красную тумбу с пятиконечной звездой и фотографией покойного, под которой белой краской на красном фоне стояли даты рождения и смерти. Фотографию Семён

узнал. Это он последний раз фотографировался на паспорт, когда ему было сорок пять лет. Вышел он на этой фотографии очень удачно. Хотели ещё портрет заказать, да всё опять же недосуг как-то было.

Неожиданно для себя, Семён оказался в могиле, в гробу, рядом со своим телом. Зачем ему это понадобилось? Всё внимательно осмотрел, почувствовал, если можно так сказать, атмосферу, в которой осталось его тело навечно. Удовлетворённый, выбрался наружу. Народ выпивал, не чокаясь за помин его души, за землю, чтобы пухом была, за вечную память. Говорили хорошие слова в его адрес, каким хорошим человеком он был, как его всем не будет хватать, как тяжело будет вдове с двумя ребятишками. Многие её подбадривали, обещали помощь в случае чего. В общем, всё, как обычно в таких случаях.

Вскорости кладбище опустело. Семён, ещё не понимая почему, остался здесь, что-то его не отпускало. Было смутное ощущение, что здесь он на месте. Неужели мне всё время быть здесь, недалеко от моей оболочки. Здесь тихо, спокойно, но скучновато будет проводить тут вечность. Хотя...

На территорию кладбища втягивалась новая траурная процессия. Впереди несли гроб с телом привлекательной женщины. Лицо её было спокойно, свежо и румяно даже. Впечатление такое, будто бы она спит. Искусство макияжа, подсказало Семёну сознание. В ногах покойной находилась призрачная душа.

– Привет, – окликнула его эта женская душа.

Это же та, из мертвецкой, опять вынырнуло сознание.

– Привет, красавица! – откликнулся Семён.

– Ха, нашёл красавицу, – жеманно откликнулась женская душа. Видел бы ты меня при жизни. Вон, взгляни на фотографию, это одна из самых удачных, – хвастливо заявила душа. В это время она прямо засияла, засверкала от длинной фразы или ещё от чего-то.

Да, на фото была роскошная молодая девушка, сходство с лицом покойной было, но на фото ей было лет двадцать, а возраст покойницы Семён не взялся бы определять. Женская душа откликнулась на его мысли:

– Не парься! Моя жизнь закончилась в сорок четыре года. Это написано на памятнике, чего уж сейчас скрывать....

– Хорошо выглядишь! Даже не истощилась за время болезни.

– А у меня по-женски заболевание было. Там всё зависит от стадии, от операции. Кому как повезёт. Я недолго мучалась, вот в теле и осталась. Остальные по-разному, кто худеет, кого разносит, как бочонок, – она хрипло хохотнула. При этом гримаса её осталась неподвижной.

– Чему веселишься? – не удержался Семён.

– Сама не знаю, лёгкость какая-то непривычная, эйфория! Может, следствие обезболивающих лекарств, которыми пичкали последнее время, или это постоянно так будет. У тебя не так, что ли?

– Да, всё так. И лёгкость, и эйфория, ощущение полёта.

– Так мы же летаем! Пока! Увидимся!

Процессия свернула с центральной аллеи. Семён опять вернулся к своей могиле. На кладбище не было пустынно и безлюдно. Кое-где на могилах копошились люди. Кто-то подкрашивал облупившуюся оградку, поправлял памятник, скамейку, столик. Где-то, на ещё свежих могилах, народ молча выпивал, затем шёпотом, в полголоса размеренно разговаривал.

Семён обратил внимание, что там, где на могилах были люди, всё время присутствует какое-то свечение, небольшой мираж. Где-то ярче, где-то более тускло. Люди не обращали на это внимания, они этого не замечали. Они не замечали, что души покойных, присутствовали при их визитах. Если люди занимались хозяйственными заботами, души тускло наблюдали за происходящим, они начинали «оживать», светиться ярче, когда поминали их имена, когда люди начинали разговаривать с ними, как с живыми существами. Происходила незримая

связь между ними. Люди, выговорившись, чувствовали некоторое облегчение, они не знали о присутствии души, они несли свою, невыплаканную боль, своё горе сюда и, здесь, в кладбищенской тишине, выплёскивали это, а души воспринимали это, хотя чувств уже не испытывали. Воспринимали сознанием, почти равнодушно.

– Что, философствуешь? – прозвучал рядом голос с хрипотцой. Это была душа Анжелы, имя её Семён прочитал на памятнике.

– Зови меня просто Лика! Я так привыкла при жизни. Хорошо, Семён!? – не то спросила, не то попросила Лика.

– Хорошо! – ответил Семён, и опять удивился своему голосу.

– Ты, Семён, наверное, при жизни пел хорошо, – хохотнула Лика.

– Пел немного, когда в компании. А, почему ты об этом спросила?

– Голос у тебя приятный!

– А мне он таким не кажется, непривычный какой-то.

– И я свой не узнаю, эхом звучит!

Помолчали.

– Как всё прошло? – из вежливости спросил Семён.

– Нормально. Всё как у всех, как всегда, – ровным, спокойным тоном ответила Лика.

– Пополнение прибыло, – раздалась сбоку, от ближайшей могилы, звуки, напоминающие дребезжание крышки эмалированного закипевшего чайника. Сгусток мерцающей массы, напоминающей лицо с явными признаками удивлённой маски, приближалось к ним. От могилы уходили два людских силуэта. Юноша, лет семнадцати, поддерживал под руку женщину лет сорока, одетую во всё чёрное.

– Свеженькие? – продребезжала удивлённая душа мужского рода, и продолжила:

– Игорь! Девять дней у меня сегодня. Вот, жена с сыном приходили, побеспокоили.

– Почему побеспокоили? – спросила Лика.

– Привыкайте, – с покровительственной ноткой в дребезжащем голосе, ответил Игорь, – каждое посещение ваших могил, это беспокойство вашего пребывания, вывод вас из состояния покоя, безмятежности. Хотя, вы ещё этого в полной мере не успели ощутить. Да и я тоже, – грустно продребезжал Игорь.

– Вам проще немного, вы и освоитесь быстрее, – вновь заговорил новый знакомец.

– Что у тебя с голосом? Почему так дребезжишь? – спросила Лика.

– Удавкой меня.... – Игорь помолчал и добавил:

– «Бомбил» я на своей машине, прирабатывал. Денег вечно не хватало, а тут сына учить надо было, за институт платить. Вот, я вечерами и тачковал часа по три-четыре. Вечером посадил парочку, парня с девушкой, повёз на окраину, а там.... Удавку на шею, потом ножом добили. Если бы сразу умер, ничего бы с голосом не было, а так, горло повредили, а убили ножом, вот от того и голос такой. Пел при жизни хорошо, на гармошке, на гитаре играл. В самодеятельности выступал, дипломы, грамоты были, а теперь вот такой дребезгун....

– Ладно, заболтался я с вами! Завтра увидимся.

– Что, опять здесь будешь? – спросил Семён.

– Нет! – продребезжал в ответ Игорь. Завтра вы там будете, там и увидимся.

– Где там? – переспросил Семён, но Игорь уже их покинул и светящейся точкой взмыл вверх, вертикально, плавно, но быстро.

– Ты что-нибудь поняла? – спросил Лику Семён.

– Что тут непонятного, – хохотнула Лика. Всё поэтапно, сегодня здесь, завтра там, у врат Петровых. На распределение, кому куда. Разберут наши грехи-добродетели по косточкам и определят, кому ад, кому рай будет приютом.

– Ты веришь во все эти поповские сказки? Ты верующая? В церковь ходила, молилась?

– Да какая я верующая, – хохотнула Лика. В церкви пару раз была, из любопытства. Не понравилось! Какая там вера? Попы жирные, откормленные самцы, так взглядом и раздевают, аж слюни пускают. Помню, когда креститься ходила, подружка подбила на это дело, батюшка так меня по щеке гладил, по головке, что возбудился сам наверняка. Для этого и рясы у них придуманы, чтобы не заметно было. Но, меня, уже многоопытную женщину, не проведёшь! Он это понял, скомкал быстренько обряд, меня головой в котёл с водой окунул, всю причёску испортил, глаза размыл. Похоть свою он в эту купель спрятать хотел.

Лика помолчала, затем, вздохнув как-то по-бабьи, если этот всхлип можно было вздохом назвать, продолжила:

– Ещё пару раз ходила от безнадёги. Первый раз, когда диагноз свой узнала, второй раз – перед операцией. Как я тогда молила Господа! И откуда слова взялись? Ничего не помогло, никто меня не услышал! Сейчас и сама не знаю, есть Бог, или нет его. Всё равно мне! Это при жизни было страшно. Теперь то чего бояться? Муки там все придуманы телесные, котлы, сковородки там всякие. Чего варить они собрались? Нет тела моего, в земле оно зарыто, и я его не чувствую. А я вот она, бестелесная, чем сковороду раскалённую лизать буду? Языка-то нет! – Лика опять хохотнула с какой-то бесшабашностью.

Семён не мог для себя объяснить, как они оказались у могилы Лики. Да и не волновало его это. Просто отметил про себя, что они на её могиле. Памятник у Лики стоял, хоть и временный, но посolidней, чем у Семёна. Это был прямоугольник из нержавеющей стали, с портретом в одном и крестиком в другом верхнем углу. Могила была сплошь укрыта венками с лентами, указывающими своими надписями, от кого тот или иной венок. Как будто это имело какое-то значение. Возможно, и имело, для тех, кто этим хотел выразить свою скорбь, память, соболезнование. Как-то нелепо это всё смотрелось в отсутствие людей. Слабый ветерок и вороны, налетевшие на пиршество из оставленных на могиле продуктов, разметали, спутали ленточки с надписями, разбросали цветы с обломанными ножками.

– Завтра придут, поправят всё, – сказала Лика.

– Кто придёт? – не понял Семён.

– Не знаю точно! Родственники, знакомые. Ну, как принято, приходите на следующий день после похорон. И к тебе придут....

Действительно, утром на могиле у Семёна была целая делегация. Жена, дети, родственники жены, несколько её сотрудников. Семён пристроился на памятнике, возле звезды, выкрашенной бронзовой краской. Посетители заботливо расправили ленточки на венках, поправили подсохшие буртики могильного холмика, зажгли свечку, налили стопку водки, прикрыли куском хлеба и поставили в чайное блюдечко возле памятника. Жена тихо всхлипывала в платочек. Даже в горе своём она была тихой и старалась никого этим не обременять.

Делегация дружно, за исключением детей, выпила за усопшего раба божьего Семёна. Опять все говорили хорошие слова о нём, сочувственные слова вдове. Звучало: «Бог дал – Бог взял!», «Отмучался!» и опять сочувственно вдове: «И ты отмучалась! Почитай целый год по больницам! Легко ли это!».

Выпили по второй. Загомонили, заговорили погромче. «Видимо, хорошо вчера меня поминали!» – прикинул Семён. «Вон, как на свежие дрожжи их растащило!»

– Звезда-то как сияет на памятнике! – воскликнул кто-то их посетителей.

– Неужели меня заметили? – подумал Семён. – Да, нет! Это солнышко так осветило свежеевыкрашенную звезду!

Разговор людской слился в единый монотонный гул. Они выпили ещё, стояли, закусывали из принесённых с собой чашек-плошек. Только вдова с обступившими её детишками, молча стояли у свежей могилы. Им не было никакого дела до остальных, как, впрочем, и остальным до них.

– Да, чужое горе за своё не примешь! Чужую беду – руками разведи! – так сознание Семёна отреагировало на ситуацию.

С момента прибытия посетителей на свою могилу, Семён ощутил какое-то бремя, груз какой-то привязанности, какую-то связь с прошлым, с тем временем, когда он жил. Это было какое-то виртуальное чувство, даже не чувство, а непреодолимая тяга, раньше неведомая. Эта тяга глушила ту лёгкость, к которой он так быстро приспособился. Такое ощущение Семён испытывал, пока посетители не ушли. Он машинально проводил их уход. Нет, не взглядом, а сознанием-подсознанием, в чём он ещё не успел разобраться. Он всё воспринимал как бы со стороны, хотя так оно и было, но это было не взглядом со стороны, а восприятием событий нереальных, происходящих где-то и с кем-то, но вроде бы, как не с ним. К этому надо было привыкать.

После ухода посетителей, Семён почувствовал прямо-таки невесомость, опять вернулось ощущение эйфории, только многократно усиленное.

– Привет, Семён! Как всё прошло? – это Лика, совершая круги вокруг него, прямо-таки щебетала.

– Нормально! Чего опять веселишься?

– Тяжесть отпустила! Ощущение потери лёгкости меня растревожило. Наверное, так будет, когда нас будут навещать. Место встречи – наши могилы.

– Сообразительная ты!

– Мы, женщины всегда быстрее вас, мужиков, соображаем. Только не всегда нам это выгодно показывать. Сейчас-то, что уже..., – и Лика опять издала звук, отдалённо напоминающий вздох сожаления.

– Чего это ты присох к памятнику своему? Никуда он теперь не денется! Меня так и тянет ввысь, сильнее, чем все эти дни.

– Меня тоже! – признался Семён.

– Ну, что, помчались! Что там ждёт нас? – Субстанция Лики засветилась ярче, уже не мерцая, а светясь ровным ярким светом.

Семён понял, что с ним происходит то же самое.

И они вознеслись! Не было скорости, не было ощущения полёта, сопротивления среды. Не свистел ветер, не было никакого напряжения. Просто переместились и всё! Исчезло то, увеличенное ощущение лёгкости, на смену ему пришло привычное, обычное, к которому за это время стали относиться, как к само собой разумеющемуся состоянию.

Там, куда они вознеслись, царил полнейший хаос. Хаос перемещений! Перемещались мерцающие, светящиеся субстанции, души людей, покинувших свою оболочку, а вместе с ней и тот мир суеты, забот, хлопот, неразрешённых проблем, незавершённых дел и массу всего прочего, что уже не имело никакого значения.

Перемещения происходили спонтанно, в том пространстве, что было возможно охватить сознанием, было несколько ярусов. Души пересекали эти ярусы, свободно перемещались из одного в другой, перемещались вдоль и поперёк каждого яруса. Различия пространства этих ярусов отмечались разными цветами зыбкого пространства, от бледно-голубого, до синего, до цвета аквамаринов, затем переход в слабые зелёные тона, далее в розовые, жёлтые.... Неземная такая палитра красок. Это отдалённо напоминало радугу. Непривычные переходы одного цвета в другой. Если применить такое понятие, как горизонт, хотя слабо оно сюда подходило, то в одну сторону эти ярусы, с удалением, принимали более светлый окрас своих тонов, а в другую сторону, наоборот, темнели.

Семён с Ликой застыли в том месте, куда они вознеслись. Рядом перемещались души. В одиночку, парами, целыми толпами, вереницами. Кто-то исчезал из поля сознания, только успев появиться. Кто-то появлялся снизу. Некоторые из вновь появившихся душ застывали, осознавая, что с ними происходит, другие сразу перемещались выше по ярусам.

– Привет, новички! – раздалось уже знакомое дребезжание Игоря. – Я так и знал, что вы здесь застрянете!

– Привет, Игорь! Что это? Где мы? – спросила Лика.

– Это наше, а теперь и ваше вечное пристанище!

– Это и есть загробная жизнь?

– Нет! Понятие жизнь – понятие временное! Жизнь заканчивается смертью! А здесь вечное ваше пристанище. А то, чтоечно, не может быть жизнью! Да вы не пытайтесь сразу во всём разобраться! Всё будет происходить постепенно, поэтапно. Оглянитесь, осознайте, чего вам хочется сейчас, что вас устроит.

– А Бог, он есть? Он здесь? Апостол Пётр, Ад и Рай существуют? – спросил Семён.

– Нет! – ответил Игорь. Здесь всё иначе, не так, как об этом говорят на Земле служители разных религий, сект, общин и прочего. Сами поймёте!

– Здесь все вместе, и грешники, и праведники? – спросила Лика.

– Скоро сами всё поймёте. Я ведь тоже здесь недавно. Всё самое страшное в вашей судьбе уже произошло и карта судьбы уже закрыта. А здесь вы сами себе найдёте место, которое будет вам соответствовать. Спектр очень широк и многообразен. Так же и ваш выбор.

– Привет, Игорь! – раздался рядом юношеский ломающийся басок. Ярким пятном светилося, немного мерцая, симпатичное юношеское лицо-душа.

– Привет, Юрочка! – продребезжал в ответ Игорь.

– Это что, свежие души?

– Да, они наши соседи по кладбищу. Я их вчера обнаружил там.

И, уже обращаясь к Семёну и Лике, Игорь продолжил:

– Это Юра! Он уже здесь давно. Я виновник его смерти. Невольно, – добавил Игорь.

Юра никак не прореагировал на слова Игоря. А тот продолжал:

– Сбил я его машиной, он в больнице умер, не приходя в сознание. Не видел я его, когда он из-за автобуса вышел. Глупо всё как-то произошло, быстро, непоправимо. В тюрьме сидел я за это. А вину свою до смерти чувствовал.

– А он знает об этом, ну, что это ты его убил? – спросила Лика.

– Знаю! – вклинился Юрий. – Что из того? Здесь это не имеет значения. Да скоро вы сами это поймёте.

– Да, Юра с вновь прибывшими душами может так разговаривать, а вообще-то здесь всё по-другому. Скоро сами поймёте.

– Всё время говорите, что скоро сами всё поймём. Как скоро?

– Скоро! – ответил Игорь.

– Куда вам теперь торопиться? Вы в вечности! – философски добавил Юрий, и покинул их, переместился в другой ярус.

– Осознавайте, осваивайтесь, перемещайтесь, находите более комфортную нишу для себя, – сказал Игорь. И добавил:

– До встречи! Увидимся! – затем плавно двинулся в сторону по ярусу, в ту сторону, где цвета были наиболее тёмными.

– Слушай, Семён, мне и так тут комфортно, легко и спокойно. Что ещё искать, перемещаться?

– Это вам только кажется! – раздался женский мелодичный голос откуда-то сверху. – Я вот уже почитай, как год по земному времени выбираю, всё мне не так, всё не по мне. Маюсь, мечусь туда-сюда, успокоиться не могу.

– Ничего, выберешь! Успокоишься! Меньше будешь таскать с земли дурной энергии и успокоишься, – голос сбоку прозвучал назидательно, и удаляясь.

– Вот, так всегда! – опять мелодичный голос сверху. – Выскажется набегу, возразить не успеешь, а она уже исчезла.

– Да не исчезаю я, – вернулся голос. – А твои возражения мне ни к чему. Ты и сама всё прекрасно знаешь, понимаешь, только ноешь ты зря. Говорила тебе, не ходи на землю в неурочный час, не слушаешь, вот и маешься. Ходишь, людей пугаешь, развлекаешься. Что они тебе худого сделали? А ты привидением к ним являешься, жить мешаешь. Раньше надо было думать, как оставить после себя мир, покой и порядок....

Голос исчез, как и появился, внезапно.

Сознание Семёна выхватило этот диалог, немного подержало в себе, значит, мифы о привидениях совсем не мифы! Это действительно есть. Ходят в жизнь души некоторых людей, чего-то недоделали на земле при жизни, чего-то не довели до конца, не успели. И, считая, что только они это могут, являются к своим близким, знакомым, а то и просто к случайным людям, напоминают о себе.... Возможно, тайна какая-то за этим стоит, угроза, от которой уберечь пытаются, или наоборот, отмщением некогда свершившейся подлости занимаются такие души, нет им успокоения даже в Вечном Пристанище! А есть и такие, что над кладом, при жизни ещё спрятанном, трясутся. Караулят, не дают его обнаружить, пугают, в сторону отводят. Сказочка про чахнувшего над золотом Кощея имеет своё подтверждение! Такое сознание у этих душ....

Затем весь смысл услышанного стёрся, исчез, как ненужная информация. Действительно, сколько в пространстве этом мыслей, фраз толкётся одновременно, хаос! А сознание вытаскивало и удерживало только ту информацию, которая ему была интересна. Он слышал параллельно щебетание Лики, только до какой-то поры он его не воспринимал. Только сейчас сознание отобрало для него ликины возгласы:

– Семён, давай вместе держаться. Хотя бы первое время. Мне так спокойнее, хорошо!?

– Хорошо! Вдвоём веселее! – согласился Семён.

– Давай прогуляемся, посмотримся, что мы зависли тут как два зонда гидрометцентровских?

– Давай!

Они двинулись вдоль своего яруса в сторону, где им казалось светлее. Они не прилагали никаких усилий, только сознание руководило ими. Они плавно двигались, как бы по какому-то невидимому течению. Встречные души могли проходить сквозь них, так же и они двигались, не обходя препятствий, проходя сквозь встречные души, сквозь скопление душ. Всё было эфемерно, призрачно, зыбко, но спокойно и равномерно.

– Лика, а куда подевался тот мужчина, с которым ты была в мертвецкой, когда меня туда привезли? – вдруг, неожиданно сам для себя, поинтересовался Семён.

– Он из другого города, его родственники домой забрали хоронить, – ответила Лика.

Не успела она закончить фразу, как рядом раздалось:

– Привет! – И возник светящийся силуэт, который был тогда в мертвецкой.

– Привет, Михаил! – первой отреагировала Лика. – А мы только что о тебе вспоминали!

– Видимо, поэтому я и рядом с вами.

– Это Семён! Мы с ним соседи!

– Я узнал вас, Семён! Как вам тут?

– Пока непонятно много, а так всё очень даже нравится. Легко, спокойно. Вот, решили оглядеться. А вам как всё это?

– Тоже пока ещё не всё понятно, но ощущения такие же.

– Не понятно им, – проворчал стариковский скрипучий голос и исчез. Затем вернулся и добавил:

– Вот, побудете с моё тут, всё узнаете, только зачем вам это.... И опять исчез.

– Не обращайтесь на него, он вечно ворчит, – раздался звонкий, явно девичий голосок. – Разрешите представиться, я Женя!

Рядом с ними перемещалось приятное девичье личико-душа, светясь каким-то особенным, розоватым светом.

– Я уже довольно давно тут, всё знаю. Если вас что-то интересует, я могу поделиться.

– Спасибо, Женья! – быстро ответила Лика. – А это не пойдёт нам во вред? Может, нам надо всё самим постигать?

– Да вы и будете всё сами постигать! Просто многие теряются первое время, от земных привычек держаться вместе не могут долго отвыкнуть. Нет, это не мешает ничему и никому. Только так вы долго в новичках проходите. – Женья звонко рассмеялась, – хотя, «новички» – это тоже земная привычка.

– Женья, почему ваш свет разительно отличается от остальных? Ваш лик, прямо, как земной! Розовый, цветущий! Радует сознание! – спросил Михаил.

– Невеста я непорочная, – с грустинкой в голосе ответила Женья.

У женщин есть интонация, отражающая чувства, пусть не в полном земном спектре, но различить можно, – отметил про себя Семён.

– Да! – ответила ему Женья. – Женские и мужские души отличаются этим. Мы сохранили немного эмоционального окраса вечного бытия. Особенно это заметно, когда мы начинаем обращаться к земному прошлому. Вы, мужчины, всю свою земную жизнь старались сдерживать свои эмоции, проявления чувств, даже тогда, когда они вас переполняли. Ваша сдержанность отражена и в фибрах вашей души, поэтому вы так отрешённо реагируете на всё. Женщины более эмоциональны, много негативной энергии выплёскивают, не держат её в себе, поэтому живут ровнее, дольше их век на земле.

– Говорят, что женщины дольше живут потому, что у них нет жён, – решил пошутить Михаил.

– У многих мужчин тоже нет жён, но жить на земле дольше от этого они не смогли. Не увеличился их биоресурс, их жизненный срок!

– Только из-за того, что ты невеста непорочная, так отличаешься от других? – продолжил начатую тему Семён.

– Нет, конечно! На это есть много причин! Вскоре вы сами всё узнаете! Есть души гораздо светлее моей. Душа принцессы Дианы – это вообще алый бутон! – с заметным восхищением произнесла Женья.

– Привет! – тут же раздалось рядом. – Опять, Женечка, расписываешь мою душу новичкам? – Рядом высветилось алое, переливающееся лицо-душа принцессы Дианы. Оно имело мимику, оно чуть заметно улыбалось. Да, улыбнулось и исчезло.

Женья засияла ещё ярче:

– Вот, так всегда! Только мельком! Слишком большая связь у неё с земным прошлым, много народу чтит её память, хранит любовь к ней в своих сердцах и от имени её творят благие дела земные.

– Вот так можно вызвать любую душу, одним воспоминанием? – удивилась Лика.

– Да! Вы же вызвали Михаила! – Женья опять громко рассмеялась. – В земной жизни спиритизмом не увлекались? Только там это во много раз слабее. Да и вызова не все дожидаются! Кого вызывают больше всех? Исторически известных личностей! Наполеон, Пушкин, Мать Тереза очень популярна, Ванга. Вот я их тут поминаю, а не торопятся. Заняты очень! Всё время в этих сеансах приходится им участвовать, на дурацкие вопросы отвечать. А люди этого не знают, или не понимают, до сих пор хотят своё будущее узнать. Чего его узнавать? Для всех живущих оно одинаково.... А этим душам успокоения нет, терзают их делами земными. Ко всем не успеть, кто понастойчивей, тот и добывается ответа!

Семён отметил про себя, что здесь, куда они переместились по ярусу, гораздо светлее, чем в том месте, куда они вознеслись с кладбища. Да и что-то в нём самом, в его сознании, изменилось. Почти исчезло ощущение беспричинной радости, ликования. Стало просто спокойно, уравновешенно, ощущения получили сбалансированность, устойчивость, если это понятие имело право здесь на существование.

Рядом парящая Ли́ка, отвечая его ощущениям, воскликнула:

– Хорошо то как, – и запнулась на полуслове.

– Что, Господа хотела помянуть? – рассмеялась Же́ня. – Многие поминают, некоторые ищут его, спрашивают у всех. Каждый своего Господа Бога ищет, а его-то и нет. Сколько ликов старцев всяких принимали за Господа, сколько душ младенцев за ангелочков принимали! Пустое это всё! Души поповские всех мастей тут особняком держатся. Растерянные они! Многие истово верили, душевно! Страхи земные, на чём любая вера зиждется, они на земле и остались! Там, в людском водовороте судеб, на совести тех, кто это порождает, сеет в умы человеческие, вместо того, чтобы созидать, чтобы познавать научно, прогнозировать развитие человечества, улучшать жизнь тех, кому ещё не вышел жизненный срок. Нет! Как возобладал этот принцип управления через страх людской, так незыблемо и правит до сих пор. Всё на страхе замешено, ради власти, богатства, величия! Как дамоклов меч висит это проклятие страха животного над каждым смертным, и только смертью освобождает его от этого кошмара.

Во время этой тирады, Же́ня засверкала, как первая звезда на ночном небосводе.

– Откуда это в тебе, Же́ня? Для таких рассуждений ты ещё совсем дитя, – тихо спросила её Ли́ка.

– Здесь информация доступна всем! Вы заметили, что здесь нет языкового барьера? Тот старец-ворчун вещал вообще на каком-то мёртвом, для земного понимания, языке. А принцесса Диана, она что, по-русски с нами общалась? Нет! Здесь вообще нет понятия языка, потому, что никто не говорит, все общаются путём передачи мысли. Кому нужна эта мысль, тот её и поймёт, осознает, а кого это не касается, того и не коснётся. Та телепатия, о которой знают живущие – это тоже отголосок такого способа общения, только слишком слабо развитый, не у всех и не всегда даёт о себе знать. Иногда это приходит к живущим отсюда, к тем, кто помнит, с кем ещё сильна обратная связь. Мы многое ещё можем отсюда, но не всегда вмешиваемся в дела земные, каждый по своим принципам. Скоро вы сами это поймёте! Для своего спокойствия вы привыкнете абстрагироваться от остальных ощущений, от отголосков переживаний, воспоминаний, от привычных земных забот. Вам сейчас кажется, что вам всё по барабану, то, что происходит на земле, в том мире, где вы провели свой жизненный срок. Но это не совсем так. Вы ещё не привыкли к ощущению новизны, вы ещё только познаёте своё новое состояние, оно вам непривычно, и это на какое-то время оттесняет то прошлое, из которого вы пришли. Скоро сами всё это поймёте! А пока осваивайтесь, не стесняйтесь спрашивать, если возникнут вопросы! А они возникнут! Не обязательно спрашивать кого-то конкретно, вся информация витает вокруг вас. Задав просто абстрактный вопрос, вы тотчас получите ответ, который, возможно, витает вокруг уже не первый век, и адресован он не вам конкретно. Всё циклично....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.